

Зарин Андрей Ефимович

Кровавый пир 1669-1672 гг.

Бунт Стеньки Разина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Кровавый пир 1669-1672 гг.: Бунт Стеньки Разина / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 218 с.

ISBN 978-5-519-85673-7

ISBN 978-5-519-85673-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

- Шутить не будутъ...
— А награбили?—не безъ зависти произнесъ Прозоровскій.
Львовъ только рукой махнулъ.
Дьяки переглянулись между собою и ухмыляясь потеряли руки...
— Ъдутъ!—вдругъ закричалъ, вбѣгая въ избу, стрѣлецъ.
Воеводы встрепенулись и приосанились.
— Далече?
— Къ пристани причаливаютъ. Четыре струга, а народу!..
Въ это время въ избу вбѣжалъ другой стрѣлецъ.
— Идутъ! — объявилъ онъ, кланяясь воеводамъ. — Позади
пушки тащатъ, полоняны ведутъ!..
— Видишь!—торжествующе сказалъ Львовъ Прозоровскому.
-

II.

ТО шелъ Стенька Разинъ съ повинной, въ ту пору только удалой атаманъ разбойниковъ.

Объявился онъ, какъ разбойникъ, въ 1666 году. Онъ былъ донской казакъ изъ Черкассъ, гдѣ въ ту пору атаманомъ состоялъ Корнило Яковлевъ, сторонникъ тишины, порядка и строгой покорности московскому царю.

Задумавъ разбойное дѣло, Стенька Разинъ собралъ толпу голыдьбы и рѣшилъ съ нею плыть на Азовское море и пошарпать турецкіе берега, но Корнило Яковлевъ преградилъ ему путь. Тогда Разинъ завладѣлъ четырьмя стругами и пустился на нихъ вверхъ по Дону. Онъ рѣшилъ подняться до мѣста соединенія съ Волгою, перебраться на Волгу и по ней спуститься уже въ Каспійское море. Корнило Яковлевъ погнался за нимъ, но не догналъ и казаки уплыли. Дорогою они грабили богатые казакскіе хуторы.

Слухъ о разбойникахъ дошелъ до Царицына, говорили, что съ Дона идутъ разбойники разбивать Царицынъ, разбивши заберутъ суда и снасти и поплывутъ внизъ, на Астрахань. Воеводы всполошились и во всѣ концы полетѣли грамоты. Воевода царицынскій писалъ въ Саратовъ и Астрахань; изъ Саратова писали въ Симбирскъ и Царицынъ, изъ Астрахани въ тотъ же Царицынъ, а изъ Москвы ко всѣмъ былъ присланъ наказъ, чтобы «воеводамъ держать себя съ великимъ береженіемъ и другъ другу въ помощи не отказывать, а быть всѣмъ въ дружбѣ».

Тѣмъ временемъ Стенька Разинъ доплылъ до мѣста сближенія, выбралъ высокое, сухое мѣсто, между рѣчками Тишина и Иловля, и остановился на немъ станомъ, невдалекѣ отъ города Паншина. Царицынскій воевода тотчасъ послалъ къ нему, по обычаю того времени, людей съ увѣщаніемъ, но они не дошли до стана Разина. «Со всѣхъ сторонъ вода; добраться никакой возможности, а казаки челноки дать опасаются». Уньков-

скій послалъ вторично двухъ монаховъ, но и тѣ вернулись ни съ чѣмъ. А, тѣмъ временемъ, Стенька Разинъ передохнувъ снялся и переправился на Волгу, вѣроятно, по рѣчкѣ Камышинкѣ. Здѣсь онъ засѣлъ повыше Камышина.

Плылъ о ту пору изъ Нижняго въ Астрахань весенній караванъ. Состоялъ онъ изъ нѣсколькихъ струговъ частныхъ лицъ, изъ казенныхъ и патріаршихъ судовъ, изъ большого судна купца Шорина, который везъ казенный хлѣбъ, и еще судна сосыльными. Шелъ караванъ подъ охраною отряда стрѣльцовъ, съ боярскимъ сыномъ Федоровымъ во главѣ.

Вдругъ на отмели выскочили на нихъ казаки Стеньки Разина, раздался крикъ: «сарынь на кичку!» и перепуганные люди безъ боя сдали разбойникамъ весь караванъ.

Стенька Разинъ перевѣпалъ всѣхъ старшихъ, освободилъ сосыльных и оставшимся сказалъ: «Всѣмъ вамъ воля. Хотите идите, хотите у меня оставайтесь; казаками вольными будете!»

Сосыльные стрѣльцы и ярыжки (судовые рабочіе) присоединились къ нему. Онъ забралъ ружья, запасы каравана и поплылъ внизъ мимо Царицына. Перепуганные царицынцы не сдѣлали по немъ ни одного даже выстрѣла.

Плылъ теперь Разинъ уже на 30 стругахъ и было у него людей до полторы тысячи. По дорогѣ встрѣтился ему воевода Беклемишевъ съ уговариваніемъ. Стенька вдоволь потѣпился надъ нимъ: купалъ его, вѣшалъ на мачту, потомъ, пробивъ руку чеканомъ, раздѣлъ до нага и прогналъ.

Никого болѣе не трогая, проплылъ онъ мимо Чернаго Яра, по узкому протоку Бузани, мимо Краснаго Яра, и выйдя въ Каспійское море, лѣвымъ берегомъ дошелъ до Яика. Городъ оберегалъ стрѣлецкій голова Иванъ Яцынъ, но въ немъ уже ждали Разина охочіе до разбоя люди.

Разбойники вошли въ городъ, отрубили голову Яцыну, порубили до 150 иныхъ людей и завладѣли городомъ. Здѣсь они стали вербовать къ себѣ охотниковъ. Со всѣхъ концовъ сбѣгались къ нимъ недовольные и Разинъ всѣхъ обращалъ въ вольныхъ казаковъ. Отсюда они прошли берегомъ, разбили и ограбили кочевья нищихъ едиссанскихъ татаръ, разбили у Терка турецкое судно и вернулись въ Яикъ зимовать.

Имя Разина стало уже страшно своими кровавыми подвигами. Изъ Москвы въ Астрахань посыпались тревожные наказы; астраханскій воевода Хилковъ послалъ войско подъ начальствомъ Якова Безобразова. Не дойдя до Яика, онъ послалъ отъ себя двухъ стрѣльцовъ, Янова да Нелюбова, съ мирными переговорами, собираясь ударить на Разина. Тотъ прозналъ о его замыслѣ, стрѣльцовъ повѣсилъ, а на Безобразова выступилъ самъ и разбилъ его. Ужасъ охватилъ все поволжье.

За слабость Хилкова съ воеводства ссадили и на его мѣсто послали князя Ивана Семеновича Прозоровскаго. Онъ изъ Саратова послалъ къ Стенькѣ двухъ стрѣльцовъ съ увѣщаніемъ,

но Стенька одного изъ нихъ утопилъ, а другого прогналъ назадъ къ новому воеводѣ.

Послѣ этого, 23 марта 1668 года, онъ снялся изъ Яика и пропалъ почти на годъ.

Весь этотъ годъ онъ провелъ въ страшныхъ разбойничьихъ подвигахъ. Сначала онъ сталъ разорять татаръ, живущихъ по берегу Дагестана. Потомъ они взяли Тарки, Дербентъ и Баку, вездѣ неистовствуя, насильничая и предавая все огню.

Подъ видомъ купцовъ они входили въ городъ и жители радужно встрѣчали ихъ, тотчасъ вступая въ торговые сношенія. Казаки занимали городъ, слѣдя за своимъ батькой. Вдругъ Стенька Разинъ сдвигалъ шапку на затылокъ и картина внезапно измѣнялась. Казаки разомъ бросались на безоружныхъ жителей, били ихъ, рѣзали, врывались въ дома и нагруженные добычею, оставляли городъ, предавъ его пламени.

Такъ, разоряя и неся съ собою ужасъ, они дошли до Гилянскаго залива, ограбили Фарабатъ и, наконецъ, на одномъ изъ острововъ остановились на зимовку.

Пользуясь этимъ временнымъ затишьемъ, персіяне стали дѣятельно сооружать флотъ для истребленія страшныхъ разбойниковъ. Но еще не успѣли закончить работы, какъ пришла весна. Разинъ снялся съ зимовки, перешелъ на восточный берегъ моря и сталъ громить трухменскіе улусы. Потомъ, доплывъ до Свиного острова, далъ на немъ роздыхъ. Въ іюлѣ 1669 года семьдесятъ судовъ, такъ называемыхъ «сандали», съ четырьмя тысячами персіянь и наемныхъ черкесъ, по приказу падишаха двинулись къ Свиному острову. Начальствовалъ надъ этою силой астаранскій Менеды-ханъ, въ твердой надеждѣ на побѣду взявшій съ собой сына, Шабынь-Дебеля, и красавицу дочь.

Казаки не побоялись принять сраженія. Поначалу загремѣли пушки и началась перестрѣлка, а потомъ сѣдѣлиسى борть о борть, казаки взбѣжали на персидскія суда, раздался страшный крикъ:

— Нечай! нечай! — и несчастные персы были разбиты на голову. Только три струга успѣли убѣжать вмѣстѣ съ горемычнымъ ханомъ. Казаки топили и брали въ плѣнъ остальныхъ сандалей, полонили сына и дочь хана и забрали сотни дѣвъ плѣнныхъ. Но побѣда эта имъ обошлась не дешево. Чѣловѣкъ 500 погибло у казаковъ—и Стенька Разинъ задумался. Награбленнаго добра черезчуръ довольно, такъ не лучше ли со всею добычею вернуться на тихій Донъ. И Стенька Разинъ двинулъ свое воровское войско назадъ, на Волгу.

Спустя 10 дней, 7 августа, ночью они вошли въ устье Волги и напали на учугъ Басаргу, принадлежащій астраханскому митрополиту. Набрали тамъ себѣ всего съѣстнаго, взяли кое-что изъ рыболовныхъ снастей и двинулись дальше, но едва двинулись, какъ узнали, что въ Астрахань идутъ бусы,—и тотчасъ повернули назадъ, въ море. Шли двѣ бусы. На одной

персидскій купецъ Мухамедъ-Кулибекъ везъ разные товары; на другой везли отъ персидскаго шаха къ русскому царю въ подарокъ дорогихъ аргамаковъ.

Все досталось въ добычу удалымъ казакамъ...

А пока они гуляли по морю, астраханскіе воеводы готовились встрѣтить ихъ ласкою. Для этого они выправили отъ царя грамоту, по которой давалось казакамъ полное прощеніе, если они принесутъ повинную.

Князь Прозоровскій разсудилъ такъ: Стенька Разинъ со своею ватагою становился страшенъ, вольные казаки, черный людъ и даже стрѣльцы клонились на его сторону. Что же касается его разбоевъ у персидскаго шаха да у татаръ, такъ ихъ ему можно даже за службу зачесть, потому что отъ персовъ и татаръ постоянно доставалось и русскимъ.

Приготовились его такъ встрѣтить астраханскіе воеводы и вдругъ приближали рабочіе съ митрополичьяго учуга съ страшною вѣстью, а слѣдомъ за ними персидскій купецъ, хозяинъ ограбленной бусы.

Князь Прозоровскій тотчасъ послалъ на Разина своего товарища, князя Львова, на 36 стругахъ съ 4,000 стрѣльцовъ. Князь быстро поплылъ внизъ по Волгѣ. Разинъ, увидѣвъ, что идетъ на него не малая сила, повернулся назадъ въ море. Князь гнался за нимъ въ морѣ 20 верстъ, но не могъ догнать и послалъ отъ себя посланца казака Скрипицына съ государственной грамотой.

Стенька Разинъ принялъ посла, прочиталъ грамоту и задумался, а Скрипицынъ сталъ уговаривать его и казаковъ.

— Ничего вамъ не будетъ,—говорилъ онъ;—отдайте пушки, что забрали по Волгѣ и въ Яикъ-городкѣ, отдайте москiе струги, а вамъ легкіе дадутъ; отпустите служилыхъ людей, да князю Семену Ивановичу передайте купецкаго сына, что полонили, и спокойно на Донъ идите!..

Стенька Разинъ давно уже сообразилъ всѣ выгоды такого предложенія и повернулъ назадъ. Къ князю же Львову послалъ двухъ казаковъ, которые согласились на всѣ условія, кромѣ выдачи купеческаго сына, за котораго требовали 5,000 выкупа. Князь въ свою очередь согласился и взявъ казаковъ заложниками, поплылъ въ Астрахань, а за нимъ Стенька Разинъ со своими стругами.

Подѣвъ Астрахани передалъ онъ Львову купецкаго сына, Сехамбета, за котораго князь обѣщалъ выдать деньги въ приказной избѣ.

Князь остановился у Астрахани, а Стенька Разинъ проплылъ мимо нея и сталъ невдалекѣ, у Болдинскаго устья, со всѣми своими стругами и удалыми казаками.

Такова исторія Стеньки Разина до того времени, съ котораго начинается эта повѣсть.

III.

БДУТЪ!—пронеслось по берегу, и толпа народа, тѣсняя и давя другъ друга, бросились къ пристани. Сверху Волги на веслахъ другъ за другомъ спускались къ пристани четыре легкихъ струга. Одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, могъ поразить каждого своимъ великолѣпіемъ.

Молодой стрѣлецъ не совралъ. Вмѣсто канатовъ и веревокъ на немъ вились синіе, красные, желтые шнуры изъ шелка; судя по яркости блеска, на мачтахъ, вмѣсто парусовъ, висѣли парчевыя ткани, всѣ борты были выложены алымъ бархатомъ, а на кормѣ, подъ пышнымъ балдахиномъ, на богатыхъ подушкахъ лежали казаки.

Народъ ахнулъ, завидя этотъ стругъ и ни на что не смотря больше, слѣдя только за нимъ.

— Надо полагать на емъ и батюшка, Степанъ Тимофѣевичъ,—говорили въ толпѣ.

— Не иначе!

А тѣмъ временемъ къ пристани подошелъ первый стругъ. Съ него сошла ватага удалцовъ и стала быстро перетаскивать на берегъ длинныя пушки; потомъ подошелъ второй стругъ, вышла новая ватага и вывела за собою плѣнниковъ въ изорванныхъ одеждахъ, босыхъ, съ связанными назадъ руками и соединенными общей длинной веревкою. Изъ третьяго струга вышли казаки, вытащивъ съ собою большія связки, тючки и разную рухлядь. И, наконецъ, изъ четвертаго, богато украшеннаго, сошли на берегъ только казаки. Почти всѣ они были одѣты одинаково пышно и богато. На всѣхъ были золотомъшитые и украшенные камнями софьяновыя сапоги желтаго, зеленаго или алаго цвѣтовъ, огромные шаровары алой шелковой матеріи, жупаны и кунтуши изъ дорогой парчи, высокія бараньи шапки, на которыхъ сверкали ожерелья изъ драгоценныхъ каменьевъ и, наконецъ, изукрашенное оружіе за богатыми поясами. Всѣ на подборъ молодецъ къ молодцу, крѣпкіе, коренастые, съ загорѣлыми лицами, длинными усами, бритыми лбами и смѣлымъ, рѣшительнымъ взоромъ.

Они всѣ, весело перекидываясь словами, тронулись по узкимъ улицамъ огромной ватагою и народъ провожалъ ихъ съ завистливымъ и пугливымъ вниманіемъ.

— Фу ты, притча,—сказалъ одинъ посадскій другому,—гляжу,—гляжу, а который изъ нихъ батька и не распознаешь.

— Про него меня спросите, братцы,—отозвался маленькій, плюгавый мѣщанинъ,—я въ Царицынѣ былъ, когда онъ проходилъ мимо. Его во какъ видѣлъ!

— А гдѣ-жъ онъ?

— У него изъ глазъ искры сыплютъ и весь онъ въ волють,—пояснилъ таинственно мѣщанинъ.—Кто на него ежели

взглянетъ, не изъ своихъ то-исть, сичасъ въ пепель обратится.

— Бреши, бреши!—перебилъ его рослый казакъ.—Степанъ Тимофѣевичъ-то—вотъ онъ!—ткнулъ онъ въ толпу казаковъ пальцемъ.—Я его еще съ Черкассъ знаю. Въѣстѣ бражничали. Его и Фролку!

Сильный голосъ казака донесся до слуха ватаги. Одинъ изъ нихъ обернулся и толпа сразу подалась назадъ, инстинктивно угадавъ въ немъ Разина. И, правда, это былъ онъ.

Костюмомъ онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ соратниковъ, но довольно было взглянуть на него, чтобы признать въ немъ атамана.

Не высокаго роста, широкоплечій и коренастый, онъ прежде всего производилъ впечатлѣніе силы, а стоило увидѣть его взглядъ, чтобы понять и ту неукротимую силу, которая могла подчинить себѣ волю буйной ватаги.

Мѣщанинишка немного преувеличилъ, сказавъ, что изъ глазъ его сыпались искры: въ нихъ горѣлъ неукротимый пламень. Красивое лицо, съ правильными чертами, слегка тронутое оспинными рябинами, съ короткими усами и высокимъ лбомъ было бы обыкновенно, еслибы не глаза, въ которыхъ чувствовалось присутствіе какой-то сверхъестественной силы.

Разинъ отвернулся, что-то молвивъ своимъ удалцамъ, и толпа очнулась и загудѣла. Не бойся она воеводъ и стрѣleckаго войска, она бы разразилась восторженнымъ крикомъ.

Словно чувствуя это, Разинъ небрежно поправилъ на головѣ баранью шапку и снова ласково оглянулся на толпу.

— Вотъ онъ, соколъ-то нашъ!—восторженно крикнулъ полупьяный казакъ.—Здравъ будь, батько!

— И ты, сынку!—громко отвѣтилъ Разинъ и, принявъ гордую осанку побѣдителя, а не несущаго повинную, вошелъ въ приказную избу въ сопровожденіи четырехъ своихъ есауловъ.

Князя Прозоровскій и Львовъ важно сидѣли на своихъ мѣстахъ за длиннымъ столомъ, опершись на свои палки.

Разинъ вошелъ, снялъ шапку и поясно поклонился воеводамъ.

— Челомъ бьемъ на здравіи!—сказалъ онъ.

— Милости просимъ!—отвѣтилъ Прозоровскій.—Съ чѣмъ пришелъ, сказывай!

Разинъ вынулъ изъ-за пояса булаву—символъ своей власти, взялъ изъ рукъ есаула бунчукъ, положилъ ихъ на столъ и снова поклонившись, проговорилъ:

— Мы бьемъ челомъ великому государю, чтобъ великій государь пожаловалъ насъ, велѣлъ вины наши намъ простить и отпустить насъ на Донъ! А что мы съ повинной идемъ, тому въ знакъ принесли мы пушки: пять мѣдныхъ и шестнадцать желѣзныхъ, да плѣнныхъ своихъ, что въ бояхъ забрали. На томъ челомъ бьемъ!

Прозоровскій всталъ и сказалъ Разину:

— Государь, по своему милосердію, вины ваши съ васъ снять

и позволилъ васъ на Донъ отпустить. Только допрежъ вы должны свои морскіе струги отдать. Мы вамъ легкіе въ обмѣнъ дадимъ.

— Ваша воеводская воля!—смиренно отвѣтилъ Разинъ.

— И еще зажаться должны, что больше на Руси воровскимъ дѣломъ заниматься не будете, а станете царю прямить!

— Мы и такъ супротивъ царя не ишли!

— Ну, Господь съ вами. Государь васъ милуетъ, а что сдѣлаете впредь, то и теперешнее помянется!

На этомъ и кончилась церемонія. Воеводы встали со своихъ мѣстъ и вмѣстѣ съ Разинымъ пошли осмотрѣть пушки и плѣнныхъ.

— Да нешто тутъ и всѣ пушки?—удивился князь Прозоровскій, увидя всего 21 пушку.

— По моему взгляду, до сорока пушекъ было,—сказалъ Львовъ.

Разинъ нахмурился и взглянулъ на воеводъ исподлобья.

— Всѣхъ пушекъ отдать невозможно,—отвѣтилъ онъ угрюмо,—какъ пойдемъ по степи отъ Царицына до Паншина, пушки и намъ нужны стануть. Всякій народъ тамъ гуляетъ. Въ Паншинъ прибудемъ и пушки отошлемъ!

Воеводы переглянулись, но они стояли въ тѣсномъ кругу казаковъ и промолчали.

— А что же служилыхъ людей не отпустили?

— А нѣшто мы ихъ держимъ. Пушай идуть. А неволить не можемъ!

Кругомъ слышался сдержанный смѣхъ.

— Вы вотъ все меня спрашиваете, а небось выкупа за Сехамбета я еще не получилъ, а молодцы съ меня спросятъ!—рѣзко заговорилъ Разинъ.—А ты, князь, мнѣ еще слово давалъ!

Князь Львовъ вспыхнулъ.

— Мухамедъ тута и тебѣ казну принесъ. Можешь не опасаться!

— Ну, будетъ!—примирительно произнесъ князь Прозоровскій.—Ты вотъ что!—обратился онъ къ Разину.—Отбери молодцовъ, что къ тебѣ ближе, да идите ко мнѣ на пиръ честной. Все надо пиръ справить!

Разинъ поясномъ поклонился князю.

— Спасибо за честь! А вы, князья-воеводы, не откажитесь на скудномъ подарочкѣ нашемъ. Челомъ бьемъ вамъ!

Лица воеводъ просвѣтлѣли. Казаки стали подносить имъ дорогія ткани персидскія, оружія въ окладахъ, халаты, шали и сѣдла.

— И вы, милые, подходите!—крикнулъ весело Разинъ стоящимъ поодаль дьякамъ и подъячимъ и надѣлая кого кускомъ матеріи, кого саблей, кого халатомъ.

— А и награбили, удалые молодчики!—добродушно уже усмѣхаясь, говорилъ Прозоровскій.

— Всего было!—отвѣтилъ Разинъ.

День окончился пированіемъ у князя Прозоровскаго. Воеводы напились съ Разинымъ, хлопали его по плечу и говорили:

— Попалилъ, Степанъ Тимофѣевичъ, и будетъ! Теперь царю правъ, а мы за тебя во какъ царю отпишемъ!

— Спасибо на добромъ словѣ. Мы всё хотимъ честию,—отвѣчалъ Разинъ,—надоѣло разбойство это. Казна есть! А мы царю-батюшкѣ всегда прямили. Теперь ему островами поклонимся, что на морѣ взяли.

— Такъ, Степанъ Тимофѣевичъ, такъ!

— Здоровье царя-батюшки!

— Теперь ты ко мнѣ на пиръ! Мой чередъ,—лепеталъ князь Львовъ.

— Къ намъ, на струги, милости просимъ!—отвѣчалъ Разинъ.

А тѣмъ временемъ по всей Астраханѣ разсыпались удалые казаки, наполнивъ царевы кабаки и тайные рапады. Не считая они сыпали изъ кармановъ деньги, братались съ мѣщанами, посадскими и стрѣльцами и скоро пьяное веселье разлилось по всеѣмъ улицамъ и площади.

— Гуляй, казацкая душа!—оралъ пьяный казакъ, обхвативъ за шею двухъ посадскихъ.—У насъ, братики, такъ: пей, пока ноги держатъ! заливай! Грицько, ты куда, вражій сынъ?

— А туточко, бають, дѣвчины есть!—отвѣтилъ на бѣгу другой казакъ.

— А и мы жъ зъ нимъ!

На базарѣ у канавы, распивая огромную баклагу, стрѣлецъ говорилъ съ казакомъ:

— И пойду я къ вамъ. Ей Богу, пойду! Здѣсь что. Жрешь толокно, денегъ не даютъ, а службу носи. Ну, ихъ!

— Пожди трохи,—отвѣчалъ казакъ,—мы еще съ баткой назадъ придемъ, тогда иди!

— И пойду! Вотъ тебѣ крестъ!

— Тогда и иди!—твердилъ казакъ.

Уже небо вызвѣздило и мѣсяцъ поднялся, когда казаки вернулись на свои струги. Пьянаго Стеньку внесли на его «Сокола» и подъ дружные удары веселья отчалили отъ пристани.

— До завтра, молодцы!—кричали имъ съ берега.

— До завтра!—отвѣчали казаки.

Струги тихо поплыли по озаренной луною рѣкѣ, и скоро, среди ночной тишины, до города донеслась дружно подхваченная пѣсня:

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Степанъ Тимофѣевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казакамъ, думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голыдьбою!
Судари мои, братцы, голь казацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять:
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли;
Возьмемъ мы казны сколько надобно...

Пѣсня росла, ширилась, а потомъ стала доноситься глуше и глуше и замерла... Полупьяный народъ стоялъ на берегу, словно зачарованный. Пѣсня взволновала всѣхъ; въ ней слышались воля, молодечество, безшабашная удаль.

Сидятъ всѣ словно въ острогѣ, прикрѣпленные къ дому, къ лавкѣ, къ молодой женѣ, а тѣ соколы—никого не знаютъ. Весь свѣтъ для нихъ!..

— Эхъ, и житье привольное!—громко выкрикнулъ пьяный ярыжка и въ толпѣ отвѣтили ему сочувственнымъ вздохомъ.

IV.

А СТРАХАНЬ словно захмѣлѣла, такъ закружили ее казаки. Съ ранняго утра прїѣзжали они въ городъ, привозили съ собою награбленное добро свое и продавали его на базарѣ, съ пьяныхъ глазъ отдавая за ту цѣну, которую давали имъ хитрые купцы.

Дорогія персидскія ткани, ковры и шали; золотыя, серебряныя цѣпи, ковши и кубки; камнями усыпанные чепраки и сбѣла, ружья, пистолеты, кинжалы и сабли—все продавали казаки охочимъ людямъ и на базарѣ съ утра уже толпился народъ.

Не рѣдко въ толпѣ показывался и самъ Стенька Разинъ; вокругъ его тотчасъ собирались нищіе и кричали:

— Батюшка, помоги! Батюшка, милостивецъ, не оставь!

И Разинъ бросалъ въ ихъ толпу горстями серебро и золото.

— Здравствуй, батюшка!—кричали ему въ слѣдующій день встрѣчные ярыжки, пьяницы, голь кабацкая и падали ему въ ноги...

До полдня шла торговля, а тамъ распродаютъ добро свое казаки шли по кабакамъ и—начиналась гульба до вечерней темноты.

Высыпала на улицы голь кабацкая, холостые мѣщане и посадскіе, стрѣльцы и ярыжки, и стонъ стоялъ по городу отъ пьянаго веселья. Мирные жители прятались по домамъ, запирали дубовыя калитки, задвигали окна ставнями и испуганно крестились при каждомъ крикѣ.

— Пей за здоровье батюшки нашего, Степана Тимофѣевича! Пей, собачій сынъ!—оралъ казакъ, поймавъ на улицѣ испуганнаго дьяка.

— Не могу, милостивецъ! Съ ногъ упаду!—молилъ дьякъ.

— Пей! не то съ чаркой въ глотку забью!—кричалъ казакъ, и испуганный дьякъ тянулъ неволей водку.

— А то: не могу!—уже добродушно смѣялся казакъ и шелъ пошатываясь дальше.

На площади составлялся кругъ. Откуда ни брались запрещенные скоморохи, гудѣла волынка, сопѣли, и казаки плясали, выбивая ногами частую дробь.

Воеводы словно показывали примѣръ черни.

То у нихъ поочереды пировалъ Стенька Разинъ съ казаками, то они шли къ нему на стругъ и каждый разъ возвращались съ дорогими подарками, которыми одѣлялъ ихъ щедрый Разинъ.

Можетъ потому и были такъ снисходительны къ нему корыстные воеводы. Почти ни въ чемъ не рѣшались они перечить Разину и даже не посмѣли отобрать у него царскихъ аргамаковъ, а не то что награбленный у Мухамеда товаръ или лишнюю пушку.

Наступалъ вечеръ, теплый, лѣтній, южный. Стенька Разинъ со своими любимыми есаулами, Иваншкой Хохловымъ да Васюкою Усомъ, сидели на стругъ подъ пышный балдахинъ, на богатые ковры и подушки, а прочіе казаки на весла, и медленно плыли къ своему стану, часто чтобы вновь бражничать.

Стенька Разинъ былъ истый казакъ своего времени, для котораго пьянство составляло какъ бы культъ. Созвавъ есауловъ своихъ, онъ не рѣдко до зари продолжалъ брашну.

Но въ промежуткахъ этого сплошного пьянства и Стенька Разинъ, и воеводы думали о дѣлѣ.

— Чего это они, вражьи дѣти, держатъ насъ столько,—говорили иногда есаулы,—мотри, худо бы не было!

— Съ нами-то?—удивлялся Разинъ. — Али они бѣлены обѣлись. Небось, воеводы у меня во гдѣ!—и онъ показывалъ свой сжатый кулакъ.—Куда хочу, туда верчу!

— Ты, атамане, имъ всѣхъ струговъ-то не отдавай, — сказалъ однажды ему Васюка Усъ,—неровно намъ занедабятся.

— Тотже нашелъ дурака!—отвѣчалъ ему Разинъ.—Я для себя 9 струговъ оставилъ, такъ и князю сказалъ: этихъ тебѣ и не видѣть. Да пѣшто «Сокола» я отдамъ кому?

— То-то!—успокоился Усъ.

А воеводы въ свою очередь торопили мастеровъ съ изготовленіемъ легкихъ рѣчныхъ струговъ, на которыхъ хотѣли отправить пріятныхъ, но и опасныхъ гостей.

— Загостятся тутъ, еще бѣды не оберешься, — озабоченно говорилъ князь Прозоровскій.

— И то,—соглашался князь Львовъ,—намедни на майданѣ кабакъ разбили. Пропьютъ все, грабить стануть.

— На стрѣльцовъ плохая надежда!

— И не говори! — князь Львовъ махнулъ рукою и понизивъ голосъ, сказалъ:—Крикни Стенька, и сейчасъ они всѣ къ нему.

— То-то! Скорѣй бы ужъ отъ нихъ!..

Митрополитъ Іосифъ дважды звалъ къ себѣ воеводъ и говорилъ имъ съ укоромъ:

— Доколѣ еще у насъ сія мерзость продлится? Пьянство, блудъ, скоморошья пѣсни! Лики человѣчьи утратили!

— Пожди, отче, малость. И то спѣшимъ! — отвѣчали они и шли на берегъ торопить мастеровъ, которые и безъ того старались. Съ ранняго утра до поздняго вечера стучали топоры, виз-